

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.011

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ И ОСЕТИНСКИЕ ШУТОЧНЫЕ И ЗАСТОЛЬНЫЕ ПЕСНИ: ПОИСК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

В статье представлен опыт компаративного исследования карачаево-балкарской и осетинской смеховой культуры. Объектом исследования являются следующие шуточные фольклорные тексты: «Ах, замерз я, ах, ах!», «Чудной человек», «Песня дважды женатого», «Плохая жена», «Мой мерин», «Гылжа», «Колбаса» (карачаево-балкарские) и «Песня, обращенная к Сатане», «Выйди, хозяин», «Счастливая семья», «Песня чаши», «Цола», «Если у тебя жена хорошая», «Песня о старом муже», «Симд», «Чепена» (осетинские). Универсальной чертой всех рассмотренных произведений является функциональность «инструктивного» юмора, предписывающего границы должного и недолжного в жизненной практике традиционного кавказского общества. Безымянными народными сказителями используются следующие изобразительно-выразительные средства, прослеживается и особый способ построения текстов: алогизм, абсурд, гипербола, гротеск, сравнение, ирония, сарказм, пародия, юмор, амебейные композиции, карикатурные образы, эпитеты, метафоры, повторы, элементы магического реализма. Выявлен повышенный интерес древних кавказских сочинителей к проблемам семейно-бытовой культуры: об этом можно судить по некоторым гендерно маркированным сатирическим произведениям, где высмеиваются негативные черты характера мужей и жен, отчужденных от национальных этических нормативов. Отмечен ярко выраженный воспитательный потенциал проанализированных произведений. Использование фантастических деталей, парадоксальных логических конструкций нацелено на развитие навыков нестандартного мышления у детей. Сделан вывод о значительном типологическом сходстве карачаево-балкарских и осетинских шуточных и застольных народных песен, судя по многочисленным параллелям и интертекстуальным переключкам в плане тематики, проблематики, ключевых персонажей, системе этических и эстетических ценностей. Материал исследования может составить основу спецкурсов и учебных пособий по проблемам фольклорной компаративистики и специфике кавказской смеховой культуры в системе высшей школы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, осетинский фольклор, компаративистика, шуточные и застольные песни, ирония, гротеск, гендерная культура, поэтика, воспитательный потенциал.

Для цитирования: Берберов Б.А. Карачаево-балкарские и осетинские шуточные и застольные песни: поиск художественных параллелей // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 23 (30). С. 5-18. DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.011

Введение

1. «Песня – совокупное определение стихотворных произведений разных жанров (альба, канцона, кант, романс, гимн), предназначенных или используемых для пения, а также написанных в форме стилизации народных песен» [1, 742]. При этом у каждого народа в рамках теории Г.Д. Гачева «космо-психо-логос» [2, 34] может быть приверженность к определенным песенным жанрам и модификациям.

Песенное народное творчество Северного Кавказа занимает особое место в формировании культурной самобытности региона. Карачаево-балкарские и осетинские шуточно-застольные песни представляют собой уникальное явление, отражающее историко-социальные особенности народов. Эти произведения не только служили средством развлечения и поддержания праздничной атмосферы, но и становились инструментом передачи ценностей, норм поведения, архетипов и коллективных мировоззренческих паттернов.

Сходства в образности позволяют проводить художественные параллели и выявлять глубинные связи между традициями двух близких кавказских этносов. Как отмечают современные ученые, «одним из наиболее перспективных, но при этом институционально сложных направлений современной отечественной гуманитаристики является литературоведческая компаративистика» [3, 6]. Сравнительно-сопоставительное исследование карачаево-балкарских и осетинских шуточно-застольных песен способствует более глубокому пониманию процессов культурного обмена на протяжении веков. Карачаево-балкарцев и осетин издревле связывали не только сопредельная территория, но и тесные историко-культурные контакты.

«Сравнительное изучение осетинского и карачаево-балкарского песенного фольклора показывает близость повествовательного материала многих текстов. Все это наглядно видно на примере Т.А. Хамицаевой «Историко-песенный фольклор осетин», в котором дан подробный анализ рассматриваемых текстов, начиная с походов Аксак Темира в Дигорию до песен о Чермене XIX в.» [4, 11].

Как пишет составитель книги «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» А.И. Алиева, «в журнале «Мусульманин» №14-17 (1911 г.) был напечатан очерк М.К. Абаева «Балкария», названный автором историческим. Однако содержание очерка гораздо шире: в нем характеризуются не только история балкарцев, но и их отношения с соседями – Грузией, Имеретией, Сванетией, Осетией, Карачаем, Кабардой, Чечено-Ингушетией и Дагестаном. Особое место занимает рассказ об отношениях с Россией» [5, 27].

Традиционно межэтнические контакты поддерживались и межличностными отношениями многих именитых представителей осетинского и балкарского народов. Приведем две характерные цитаты из «Книги друзей» осетинского

писателя Н. Джусойты (1925-2017): «Балкария – сопредельная с Осетией страна гор, край пастухов, доброго и трудолюбивого народа, всегда держащего открытыми двери своих сакель для друзей из Осетии: «Хош гелды!» – «Добро пожаловать!» [6, 430]; «Кто раз видел Балкарию, тот уже не сможет забыть ее. Прекрасен этот край. Добр и мужествен здесь народ, добр сердцем и разумом. И его не забыть. А тот, кто не глух сердцем, навсегда запомнит и песни балкарцев, и поэзию балкарскую» [6, 431].

С учетом всех этих фактов в настоящей статье предпринята попытка определить специфику художественных параллелей карачаево-балкарских и осетинских шуточных и застольных песен.

Для достижения поставленной цели автором статьи используется следующий исследовательский алгоритм. В качестве основного источника художественной и этнокультурной информации избран многожанровый фольклорный сборник «Песни народов Северного Кавказа» [7]. Предисловие к изданию написано балкарским поэтом К.Ш. Кулиевым (1917-1985) и осетинским литературоведом Н.Г. Джусойты. Все указанные тексты переведены на русский язык выдающимся мастером советской школы художественного перевода Н.И. Гребневым (1921-1988).

В основу исследования положен ряд дополняющих друг друга методов, в частности ретроспективный, сравнительно-исторический, интертекстуальный, семиотический, а также типологизация, классификация, систематизация. Основной свод фольклорно-художественных констант и мотивов карачаево-балкарских и осетинских шуточных и застольных песен представлен в форме иллюстративной таблицы в финальной части статьи.

Основная часть

Обзор карачаево-балкарских шуточных и застольных песен

Исследователи подчеркивают общность фольклорных традиций у разных народов Северного Кавказа: «Древнейший песенный фольклор и мифология балкаро-карачаевцев по своим типологическим особенностям поразительно близки с архаической песенной культурой тюркоязычного региона нашей страны и осетин. Это объясняется, на наш взгляд, древней этнической общностью жителей данного региона» [8, 5]. Следует взять на заметку и другую работу Х.Х. Малкондуева, который в своей книге «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века)» в четвертой главе «Песня о Мисирбие» или «Бадиляты Дигории, Басияты Балкарии» пишет: «Сравнительный анализ дигорских и карачаево-балкарских вариантов песен о Мисирбие Каражауове показал, что в них подчеркивается, главным образом, героизм, отвага, храбрость дигорского князя, пользовавшегося за эти качества большим уважением в феодальном кругу ряда народов Северного Кавказа» [4, 134].

В многожанровом песенном репертуаре всех народов важное место занимает жанр шуточных и застольных песен. «Шуточные песни карачаевцев и балкарцев, отличающиеся подлинным остроумием, воспроизведением безыскусственной правды жизни, скрашивали жизнь горцев, полную невзгод и лишений, помогали сохранить бодрость духа. В этом – основа их большого идейно-воспитательного значения» [9, 89-90].

Далее приведем наиболее яркие образцы шуточных песен с последующей интерпретацией содержащихся в них культурных смыслов и ключевых образов.

Специфика карачаево-балкарских шуточных и застольных песен

«Ах, замерз я, ах, ах!..» [7, 165]. Смысл данной шутливой песни состоит в неожиданном противопоставлении реальности и воображения молодого человека. В основе текста лежит алогизм – «сознательное нарушение логических связей для создания художественного эффекта» [1, 28]. Герой утверждает, что «рвал яблоки зимой» и вез их с гор, хотя окружающие смеются над этим, ведь зимой яблок в саду быть не может. Ключ к шутке – герой либо фантазирует, либо иронично «путает времена года», что создает абсурдную, юмористическую ситуацию. Его ответ: «Песню пел я не для вас» – подчеркивает личное, субъективное восприятие действительности и небольшой вызов общепринятым нормам.

Песня построена на игровой нелепости: в горах зимой обычно не собирают яблоки, поэтому окружающие считают героя странным или даже «сошедшим с ума». Этот абсурд усиливается его ответом: он мог бы просто выйти в сад, а там – зима. Так появляется мотив простого «несовпадения» реального мира и лирического внутреннего опыта.

Дополнительный смысл может читаться как тонкая ирония над поэтами и мечтателями, которые видят эстетику во всем и могут находить вдохновение даже в условиях, когда обычный человек этого не замечает – например, «яблоки зимой». Таким образом, рассматриваемая песня является своеобразным напоминанием о праве проживать свою реальность и не подчиняться чужим ожиданиям.

«Чудной человек» [7, 165]. Данная песня является примером произведения, построенного на игре воображения, абсурдных преобразованиях и причудливых метаморфозах. В нем рассказывается о «чудном человеке», способном совершать невозможные вещи: «делать сито из коры», «делать корыто из горы», «превращать сто букашек в сто овец», «снимать с воды каймак», а кузнечика «превращать в коня».

Рассматриваемое произведение насыщено фантастическими деталями и парадоксальными образами, которые создают атмосферу волшебства и юмора. Алогичная, нарушающая законы логики и реальности последовательность действий характерна для фольклорных прибауток. Такие тексты могут служить для развлечения читателей, а иногда как шуточные произведения для детей, призывая к творческому и нестандартному мышлению.

«Песня дважды женатого» [7, 166]. По нашему наблюдению, в карачаево-балкарском фольклоре бытует много шутовых песен, ориентированных «на поиск путей к гендерной симметрии, устранению антагонистического начала между полами» [10, 181]. Указанная выше шутовая песня представляет собой пример юмористического куплетного жанра, где повествователь рассказывает о своих романтических мечтах и их неожиданных последствиях. Это ироничная история о том, как мечты о семейном счастье могут обернуться комическими и неприятными жизненными последствиями.

Лирический герой, будучи молодым, грезил о женитьбе – сначала на одной жене, потом, по сюжету, решает жениться еще раз, представляя, что с несколькими женами будет еще лучше. Воплотив мечту, он берет вторую жену, думая, что жизнь станет радостнее. Но через пару недель между женами начинается ожесточенная драка, в которой одна ударила повествователя *«палкой в ухо»*, а другая – *«скалкой в брюхо»*. Герой с грустной иронией вспоминает свои прежние мечты и теперь готов отдать что угодно, лишь бы избавиться от жен – или даже уйти «вечным сном».

Песня высмеивает наивные представления о семейной жизни, показывая, что реальность может быть гораздо сложнее и конфликтнее, чем романтические фантазии. Комический эффект создается за счет контраста между ожиданием (*«мечтал о женах»*) и результатом (*«мечта обернулась проблемами»*), гротескного преувеличения и рифмованных бытовых сцен. Таким образом, указанное произведение можно представить в качестве своеобразной пародийной притчи: *«Остерегайся того, чего желаешь»*.

«Плохая жена» [7, 167]. В данном юмористическом произведении в преувеличенной и ироничной форме изображается ленивое, нерадивое поведение жены. Сюжет песни является простым: муж «плохой» жены счастлив и здоров только тогда, когда ее у него нет. Вместо того чтобы вести хозяйство, героиня сидит без дела у огня; в казане – лишь грязь, а на сковороде – нелепая, абсурдная сцена: *«мухи парятся в воде»*. На обед нет даже самой простой пищи – мамалыги. Стоит мужу сделать замечание, как жена уходит из дома. В конце звучит шуточная «мораль»: не женись на вдове, ведь у нее «ветер в голове», и она любит спорить.

Юмор в песне построен на гиперболах, сарказме и иронии, а также на фольклорных приемах – пословичном стиле, простом рифмованном ритме, контрасте ожиданий и реальности. Прямолинейные, немного грубоватые бытовые сравнения, использование народной поговорки в финале создают комический эффект.

Таким образом, указанная шуточная песня – это карикатурное, шутливое предостережение, в котором через абсурд и преувеличение передается народная мудрость о том, что плохая хозяйка способна сделать жизнь мужа только хуже. Она не столько отражает реальность, сколько играет со стереотипами, заставляя читателя улыбнуться и обратить внимание на «проблему понимания равенства, ее историчность и ее трансформации, вычленив из современного общественного дискурса сложный комплекс проблем, связанных с конфликтом традиционной ментальности и трансформационных процессов современности» [11, 12].

«Мой мерин» [7, 167]. Данная песня является примером ироничного и слегка сатирического произведения, построенного на антропоморфном изображении лошади, которая упорно остается «собой» – ленивой и бесполезной, несмотря на все усилия хозяина. Другими словами, мерин символизирует кого-то или что-то, что не поддается улучшению, не меняет своей сути, даже в случае предоставления лучших условий (*«вот отменное сено – поешь, и солома отменна – поешь»*). Это может быть шутливый намек на людей, которые упорно остаются безынициативными, равнодушными или неспособными к успеху, как бы их ни поддерживали.

Для создания комического эффекта ситуации в произведении могут быть преувеличены: мерин на скачках приходит «первым с конца», а потом вообще «умер» от небольшой поклажи. Несоответствие между ожиданием хозяина и реальным результатом – главный источник юмора. Таким образом, песня пародирует жанр «трудовой» или «поучительной» песни с заменой благородного образа коня на бесполезное животное («мерин»). Так возникает легкая насмешка над излишними ожиданиями от «слабого» или «неповоротливого» подопечного.

«Гылжа» [7, 168-169]. Данное произведение представляет собой песню, наполненную иронией и насмешкой, в которой описывается традиционный обряд выкупа за невесту и связанный с этим опыт главной героини. Девушка с подругами иронично обсуждает, сколько скота даст родня жениха за нее в качестве калыма. Выясняется, что за нее дают очень маленький калым – корову с единственным и кривым рогом, которая уже переходила из рук в руки («была калымом за семерых»).

Приведенный анималистический образ может указывать на выражение недовольства заниженной «оценкой» невесты со стороны жениха и его семьи. Лирическая героиня отвергает уничижительный выкуп и прямо говорит жениху, что с таким калымом она его к себе не пустит, что может указывать на самостоятельность девушки, которая не готова мириться со своим «ценником» («а ты забирай единственный рог и прочь уходи, мой дружок-женишок»).

Данное произведение раскрывает разочарование женщины в устаревших обычаях и высмеивает формальность и бесполезность выкупа невесты (калыма), подчеркивает желание быть ценной из-за своих личных качеств, а не из-за размера калыма. Через иронию и сарказм повествователь говорит о необходимости пересмотра старых традиций и обретения женщинами собственного достоинства.

«Колбаса» [7, 169-170]. По наблюдению М.Б. Кетенчиева, в карачаево-балкарском фольклоре в опосредованной форме часто бывают зафиксированы «гносеологические характеристики национальной кухни» [12, 479], проливающие свет и на ментальные особенности народа. Ярким тому примером является фольклорное произведение частушечного типа «Колбаса» с повторяющимися восклицаниями («ой-ой-ой!»), насыщенным юмором и гротеском. Согласно сюжету, всадники из Карачая в дороге готовят колбасу из мяса зубра. Однако в процессе происходит исчезновение одной колбасы с дальнейшим поиском виновника. Оказывается, что пропажу устроил Шимауха («обжора»), который тайно съел шестую колбасу.

Песня, несмотря на абсурд и юмор, наполнена типичными чертами кавказского фольклора: коллективное действие всадников, хитрость, еда как символ благополучия и повод для взаимных беззлобных поддразниваний. Особое внимание уделяется гиперболизированному образу колбасы («колбаса была большая, воз наполнила бы до края»), подчеркивающему абсурдность положения и прожорливость Шимаухи.

В конце песни появляется ироническая мораль: «Это сало, это сало, людям правду рассказало», то есть правда открылась благодаря внешним признакам (сало на губах Шимаухи). Таким образом, Шимауха, словно герой на-

родных сказок, оказывается хитрым и прожорливым человеком, способным обмануть целую ватагу всадников. При этом окружающие способны проявить высшую степень толерантности и чувство раздражения к прожорливому спутнику перевести в плоскость смеховой культуры.

Обзор осетинских шуточных и застольных песен

Исходной научной гипотезой при сравнении карачаево-балкарских и осетинских юмористических песен может быть суждение Е.Б. Бесоловой о том, что «горцы едины в базовых ценностях мировоззрения и ментально-психологических чертах» [13, 402].

«*Песня, обращенная к Сатане*» [7, 396]. Данное произведение представляет собой песенное обращение к Сатане – героине осетинского фольклора, щедрой хозяйке, помогающей в трудные времена. Повторяющаяся формула «*Будь к нам, Сатана, добра, Сатана, гей!*» задает ритм и эффект заклинания, создает ощущение единства исполнителей и слушателей, вовлекает в общий праздничный настрой.

Песня не изображает драматических событий, а передает атмосферу пира и ожидания изобилия. Гиперболизированные кулинарные просьбы («*дай барана*», «*уалибах*», «*шашлык румяный*», «*бутыли наливки*») делают текст комическим и придают ему почти карнавальную энергию – он не просто описывает праздник, а сам превращается в словесный пир.

Таким образом, анализируемое произведение создает эффект теплого, живого общения внутри общины и соединяет участников в коллективном действии. Это не просто восхваление, а символическое застолье в словах, где радость и почтение выражены средствами поэтики.

«*Выйди, хозяин*» [7, 396]. Данное произведение представляет собой короткий фольклорный диалог между гостями и хозяином дома, в котором раскрывается традиционное кавказское отношение к гостеприимству. Гости в произведении воспринимаются «как посланники Господа бога» – то есть их приход является важными и благословенным событием, от которого нельзя отмахнуться.

Главной мыслью песни является факт того, что гостеприимство представляет собой «священный долг», а дары, забота и угощение, которые хозяин предоставит гостям, не пропадут, а вернутся добром и благословением. Произведением зафиксирована древняя кавказская вера в то, что щедрость к пришедшим в дом – это не просто социальная норма, а духовная ценность, за которую воздаст Бог.

«*Счастливая семья*» [7, 397]. Указанной песней описывается древний кавказский обычай постройки дома для бедного человека силами коллективного труда. Несмотря на отсутствие материальных средств, всеобщая солидарность людей способна на совершение добрых дел (в данном случае постройку дома). Следующие художественные образы усиливают воспевание коллективного труда и доброту простых людей:

- *гипербола* – большое количество людей («*сто человек*») и масштаб выполнения задач (спилили лес, сплавляли, на плечах принесли строительный материал) усиливают ощущение народной поддержки и силы единства;

– *контраст* – с одной стороны, помощь оказывается бедняку, с другой – дом строится роскошный, украшенный золотом, павлиньими перьями, стеклом из далеких земель, с драгоценностями, что недоступно ни одному бедняку в одиночку, что подчеркивает, что вместе люди способны на «чудо».

– *детали быта* – казан, шашлык, веник – подчеркивают кавказский колорит, обращенность к традиции, общению за столом («*варится жирный баран в казане, жарится жирный шашлык на огне*»).

Таким образом, данное произведение через яркие образы, бытовые детали и возвышенную композицию воспекает идею коллективизма, человеческой солидарности и истинных ценностей жизни. Дом, построенный бедняками для бедняка, становится художественным символом общего счастья, достижимого только в сотрудничестве и заботе друг о друге.

«*Песня чаши*» [7, 398]. Данное произведение представляет собой шуточно-застольную песню с мотивами кавказского тоста и гостеприимства. В нем повторяющийся рефрен «*Чашу осуши во славу нашу*» является главной ритмической и смысловой опорой, создающей атмосферу пиршества, веселья и добродушного давления на гостя выпить до дна.

Юмористический подтекст песни добавляет факт того, что герой пьет, но чаша его все не пустеет; к нему обращаются со следующими вопросами («*Что ж не пьешь, иль чаша велика?*», «*Разве мы тебе желаем зла?*»), что типично для дружеской трапезы. Народный дух застолью добавляют кулинарные образы быта – фаселевый пирог, барашек, пастушья сумка, домашние сцены – а также кавказские топонимы (*Дарьяльское ущелье, Ганаз-аул, Зарамаг* и др.).

По сути, данное произведение представляет собой застольную песню, где каждый куплет описывает определенную бытовую сцену, а рефрен связывает их в единый ритуал. Чаша символизирует дружбу, единство и праздник, а совместное питье позволяет разделить радость и проявить кавказское гостеприимство.

«*Цола*» [7, 399]. Данное произведение представляет собой юмористический рассказ о персонаже по имени Цола, который, в отличие от других жителей села, практически никуда не выходит из дома и не участвует в праздничной жизни. Цола представлен как странноватый и замкнутый человек, а «бешмет с белым пухом», «шапка как лопух», «засаленная черкеска», которые носит герой, только усиливают его комичный портрет для читателя.

Кроме визитов к теще (где его кормят), Цола сидит дома, на своем сундуке, охраняя «богатства», которые оказываются жалкими – «нож тупой да бритва». Другими словами, через данные образы создается комический контраст между ожиданиями в причинах особой замкнутости героя (охрана сокровищ в сундуке) и реальностью (охрана тупого ножа и бритвы).

Таким образом, песня высмеивает отшельничество без реальной причины и чрезмерную привязанность к мелким, ненужным вещам. Образ Цола же, в свою очередь, представляет собой шуточный портрет сельского «чудака», выглядящего забавно и нелепо.

«*Если у тебя жена хорошая*» [7, 400]. Данная шуточная песня строится на серии иронических, поучительных наблюдений о семейной жизни и о том, какой женой может оказаться супруга. Повествователь через применение различных художественных приемов (гиперболу, юмор и сравнения) описывает разные «типы» жен и их влияние на жизнь мужа:

- если жена «хорошая» – в доме всегда радость, уют и ощущение праздника. Такой брак не требует поиска удовольствий на стороне;
- если жена плохая – жизнь превращается в тягость – такая жена уподобляется «кладбищу» в доме;
- коварная жена сравнивается со змеей: опасность всегда рядом, даже в собственной постели;
- дородная жена сравнивается с «печкой под боком» (тепло и уют, метафора домашнего уюта и телесного комфорта);
- тощая жена представляет собой «весной зиму в постели» (холод, отсутствие тепла).

Таким образом, анализируемое произведение представляет собой шуточную, частично сатирическую народную песню о браке. Она отражает крестьянский или городской фольклорный юмор: через простые житейские образы и сравнения высмеиваются и подмечаются разные стороны супружеской жизни – от радости до сложностей. По нашим наблюдениям, в подтексте такого рода песен всегда поэтизируется «*любовь*», как фактор противостояния конфликтам, войнам, гендерным противостояниям разного рода» [14, 15].

«*Песня о старом муже*» [7, 401]. Данная народная песня носит юмористически-сатирический характер. В ее основе – легкая, но колкая насмешка над ситуацией, когда у пожилого мужа – молодая и красивая жена. Голос со стороны обращается к «почтенному» старику, советуя ему проснуться пораньше, иначе он рискует упустить свою жену, ведь молодую красавицу могут увести более молодые поклонники.

Образы в произведении («луна», «утренняя заря», «тихий весенний сад») создают романтический и в то же время ироничный фон, на котором высмеивается наивность или беспечность старого мужа. Постоянный припев «*Тот, кто рано просыпается, потом не кается*» подается как народная мудрость, но здесь она обыгрывается с насмешкой: сохранять бдительность нужно не ради труда, а ради охраны своей молодой жены от соперников.

Таким образом, главная идея произведения заключается в том, чтобы в шуточной форме напомнить, что возраст и семейные отношения могут быть поводом для подтрунивания, а в любви и браке иногда побеждают не годы, а живость и активность. При этом сам задорный тон песни (с постоянным «гъей» в конце строк) усиливает ощущение шутки и соревновательной молодецкой энергии. Ценность такого рода фольклорных текстов можно обосновать словами Н.Л. Пушкаревой о том, что «гендер – полезная категория исторического анализа» [15, 186], поскольку в них находит отражение комплекс социальных и правовых семейных норм в гендерном измерении.

«*Симд*» [7, 402]. Произведение «Симд» представляет собой образец фольклорного лирического жанра, в котором через описание сельского праздника, народных обычаев и бытовых сцен передается глубокий смысл жизни общины, радостей и тревог быта. Повествование в песне начинается с «густого тумана», обозначающего веселую суету и танец сельских жителей. Событием, объединяющим всех жителей села («стар ли, молод, пляшем все равно»), является свадьба одного из соседей.

Ввод в песню символов урожая, достатка, народного благополучия –

«пиво», «хлеб», «богатые кладовые» – позволяет более полно раскрыть веселье народа на празднике. Вместе с тем сквозь веселое настроение появляются едва заметные нотки грусти («горьковатое пиво», «дрожащая рука хозяйки», «лишняя овечка»). Возможно, это проявление неотвратимости течения жизни, где радость и печаль всегда рядом.

Таким образом, данная песня описывает традиционный праздник в деревне, через который раскрывается философия народной жизни: ценить мгновения радости, быть вместе, разделять заботы и праздники, несмотря на повседневные трудности. Другими словами, в душевной пляске, смехе и единстве людей проявляется крепость и сила их бытия.

«Чепена» [7, 403]. Анализируемое произведение посвящено танцу «чепена», представляющему собой коллективное действие, объединяющее участников и создающее особый круг, где существуют свои правила и законы. В своеобразный ритуал сплочения приглашаются все желающие, а неучастие в мероприятии («кто не пляшет чепена») может караться символическими лишениями («у того подохнет вол», «пусть сгинет скот»). Такой сценарий типичен для народных верований, где нарушение общих обычаев могло вызвать несчастья.

Данная песня содержит в себе и насмешливые строки о «главном», который «не годится никуда», что выражает народное отношение к лидерам, – оценку им дает сама община, и это делается в шуточной, игровой форме. Последние строки песни («в круг присядем, по душам поговорим») отражают мотивы единства и сплоченности через общий обряд (танец), который одновременно служит «социальным контролем», высмеивая или угрожая тем, кто остается в стороне, через фольклорный юмор и элементы коллективной идентичности.

Заключение

Как справедливо отмечает Р.Я. Фидарова, «именно благодаря фольклорному искусству предков и его художественному методу (фольклорному реализму) мы можем сейчас проследить и изучить все этапы формирования художественного сознания в историческом ракурсе, в котором ярко и мощно отразился эволюционный процесс становления и дифференциации всех сфер общественного сознания» [16, 71].

Карачаево-балкарские и осетинские песни, несмотря на некоторые культурные различия, имеют общие художественные черты – яркий фольклорный юмор, гиперболу, бытовые образы и иронию, через которые народ отражает быт, обряды и ценности. Более подробное описание художественных параллелей представлено в таблице ниже.

Таблица 1 – Художественные параллели

Параллель	Описание
Юмор и ирония	Юмор используется как мягкая насмешка над людьми и обстоятельствами.

Супружеская жизнь	Семья является полем юмористического высказывания, где через гротеск показываются трудности брака и отношения полов.
Портрет «чудака»	Социально «особенные» персонажи, смешные из-за своих странностей, но показанные без злобы.
Обряд и коллективное действие	Обрядовые мотивы часто подаются в шуточном ключе, сохраняя при этом уважение к традиции и значение коллективного участия.
Еда как символ изобилия	Пища не просто бытовая деталь, но и предмет шуток, источник веселья, а также символ благополучия.
Образы животных	Животные являются не только ценностями хозяйства, но и объектами сатиры.
Соединение радости и грусти	Эмоции веселья могут переплетаться с философской ноткой, напоминанием того, что радость всегда соседствует с заботами.

Проведенное исследование предоставляет широкие возможности для дальнейшего изучения и других фольклорно-песенных жанровых модификаций в сопоставительном режиме. Такие труды могут заложить основу создания энциклопедического труда по северокавказской компаративистике для выявления универсальных и отличительных черт в культуре и ментальности разных народов региона.

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
3. Арзамазов А.А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: АН РТ, 2022. 316 с.
4. Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 312 с.
5. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / составление, вступительная статья и комментарии А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
6. Джусойты Н.Г. Книга друзей и наставников. Литературно-критические статьи. Владикавказ: Орион, 2011. 468 с.
7. Песни народов Северного Кавказа / вступительная статья, составление и примечания К. Кулиева и Н. Джусойты. Редакция поэтических переводов Г. Регистана. Л.: Советский писатель, 1976. 560 с.
8. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 152 с.
9. Ортабаева Р.А.-К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск:

Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 152 с.

10. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. 192 с.

11. *Пушкарева Н.Л., Текуева М.А.* Прошлое определяет настоящее? (О VI Международной научной конференции «Российской ассоциации исследователей женской истории») // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Материалы VI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Нальчик, 3-6 октября 2013 г.). Том II. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2013. С. 12-16.

12. *Кетенчиев М.Б.* Философия национальной карачаево-балкарской пищи // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008) (Нальчик, 24-26 октября 2014 г.). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 479-485.

13. *Бесолова Е.Б.* Методология Г.Д. Гачева в исследовании осетинского национального образа мира // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008) (Нальчик, 24-26 октября 2014 г.). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 400-408.

14. *Берберов Б.А.* Образность языка карачаево-балкарских народных песен о любви // *Kavkaz-forum*. 2025. Вып. 22 (29). С. 14-29.

15. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.

16. *Фидарова Р.Я.* Фольклорный реализм // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. С. 69-71.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025,
принята к публикации 09.09.2025,
опубликована 30.09.2025.

Berberov, Burhan A. – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Head of the sector of Karachay-Balkarian Folklore, Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

KARACHAY-BALKARIAN AND OSSETIAN COMIC AND TABLE SONGS: SEARCH FOR ART PARALLELS.

Keywords: *Karachay-Balkarian folklore, Ossetian folklore, comparativeness, comic and table songs, irony, grotesque, gender culture, poetics, educational potential.*

The article presents the experience of a comparative study of the Karachay-Balkarian and Ossetian ridiculous culture. The object of the study is the following comic folklore texts («Ah, I froze, ah, ah!», «Wonderful man», «Song of twice married», «Bad wife», «My gelding», «Gylzha», «Sausage» (Karachay-Balkarian) and «Song facing Satan», «Come out, the host»,

«Happy family», «Song of the bow», «Building», «If your wife is good», «Simd», «Ossetian» (Ossetian). Attraction, absurdity, hyperbole, grotesque, comparison, irony, sarcasm, parody, humor, amoebic compositions, caricature images, epithets, metaphors, repetitions, elements of magical realism have been revealed. The negative features of the character of husbands and wives are ridiculed from national ethical standards. Judging by the numerous parallels and intertextual rollings in terms of themes, problems, key characters, the system of ethical and aesthetic values. The use of fantastic details, paradoxical logical constructions are aimed at developing non-standard thinking skills in children. The conclusion was drawn about the significant typological similarity of Karachay-Balkarian and Ossetian comic and table folk songs, judging by the numerous parallels and intertextual rollbacks in terms of themes, problems, key characters, a system of ethical and aesthetic values. The study of the material can form the basis of special courses and textbooks on the problems of folklore comparativeness and the specifics of the Caucasian culture of laughter in the higher school system.

For citation: Berberov, B.A. Karachay-Balkarian and Ossetian Comic and Table Songs: search for art parallels. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 23 (30), pp.5-18. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.011

REFERENCES

1. Literaturnaya ehntsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, NPK «Intelvak», 2003. 1600 col.
2. Gachev, G.D. *Mental'nosti narodov mira. Skhodstva i otlichiya* [Mentality of the peoples of the world. Similarities and differences]. Moscow, Eksmo, 2003. 544 p.
3. Arzamazov, A.A. *Mariisko-udmurtskie poeticheskie paralleli i kontrasty. Opyt komparativnogo prochteniya* [Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. An attempt at comparative reading]. Kazan, AN RT, 2022. 316 p.
4. Malkonduev, Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konets XIV-XVIII veka)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people (late 14th-18th centuries)]. Nalchik, OOO «Pechatnyj dvor», 2015. 312 p.
5. Alieva, A.I. (comp.). *Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh* [Karachay-Balkar folklore in pre-revolutionary records and publications]. Nalchik, Elbrus, 1983. 432 p.
6. Dzhusoity, N.G. *Kniga družei i nastavnikov* [Book of Friends and Mentors]. Vladikavkaz, Orion, 2011. 468 p.
7. Kuliev, K., Dzhusoity, N. (comps.). *Pesni narodov Severnogo Kavkaza* [Songs of the Peoples of the North Caucasus]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1976. 560 p.
8. Malkonduev, Kh.Kh. *Drevnyaya pesennaya kul'tura balkartsev i karachaevtsev* [Ancient song culture of the Balkars and Karachays]. Nalchik, Elbrus, 1990. 152 p.
9. Ortabaeva, R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie narodnye pesni* [Karachay-Balkar folk songs]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. 152 p.
10. Kharaeva, L.F., Kuchukova, Z.A. *Gender i etnogender (na materiale kabardinskoi zhenskoi prozy)* [Gender and ethnogender (based on Kabardian women's prose)]. Nalchik, Print Centr, 2018. 192 p.
11. Pushkareva, N.L., Tekueva, M.A. *Proshloe opredelyaet nastoyashchee? (O VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii»)* [Does the Past Determine the Present? (About the Sixth International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers)]. *Rossiiskaya gendernaya istoriya s «yuga» na «zapad»: proshloe opredelyaet nastoyashchee: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii RAIZHI i IEHA RAN (Nalchik, 3-6 oktyabrya 2013 g.) [Russian gender history from the «south» to the «west»: the past determines the present: Proceedings of the VI International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the IEA RAS (Nalchik, October 3-6, 2013)]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 2013, vol. 2, pp. 12-16.

12. Ketenchiev, M.B. *Filosofiya natsional'noi karachaevo-balkarskoi pishchi* [Philosophy of national Karachay-Balkar food]. *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008) (Nalchik, 24-26 oktyabrya 2014 g.)* [National images of the world in artistic culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literary scholar, philosopher, and cultural scientist G.D. Gachev (1929-2008) (Nalchik, October 24-26, 2014)]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»), 2015, pp. 479-485.

13. Besolova, E.B. *Metodologiya G.D. Gacheva v issledovanii osetinskogo natsional'nogo obraza mira* [Methodology of G.D. Gacheva in the study of the Ossetian national image of the world]. *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008) (Nalchik, 24-26 oktyabrya 2014 g.)* [National images of the world in artistic culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literary scholar, philosopher, and cultural scientist G.D. Gachev (1929-2008) (Nalchik, October 24-26, 2014)]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»), 2015, pp. 400-408.

14. Berberov, B.A. *Obraznost' yazyka karachaevo-balkarskikh narodnykh pesen o lyubvi* [The imagery of the language of Karachay-Balkar folk songs about love]. *Kavkaz-forum* [Kavkaz-forum]. 2025, iss. 22 (29), pp. 14-29.

15. Pushkareva, N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. St. Petersburg, Aleteiya, ANO «Zhenskii proekt SPB», 2007. 496 p.

16. Fidarova, R.Ya. *Fol'klorny realizm* [Folklore realism]. *Fol'klorny tekst: rubezh tysyacheletii* [Folklore text: the turn of the millennium]. Nalchik, Print Centr, 2021, pp. 69-71.

The article was submitted 18.08.2025,
accepted for publication on 09.09.2025,
published 30.09.2025.